

КАК ПОЖИВАЕТЕ, ДОКТОР МАГИИ?

Четыре года назад корреспондент «Молодого коммунара» побывал у Дмитрия Ивановича Лонго, и читателей покорили неисчерпаемость и обаяние личности хозяина маленькой комнатки, заваленной цирковым реквизитом.

«Мастер чудес», «величайший факир всех времен», «непостижимый Димитриус», «покоритель огня», «заклинатель змей», «шапоголотатель», «доктор магии»... Он всю жизнь воевал со сверхъестественным, но, филигранно отточив свое мастерство, повергал зрителей в священный трепет. «Кто он — таинственный и загадочный факир? Неужели — и вправду — властелин потустороннего мира?» — размышляли зрители России и Персии, Франции и Америки, Японии и Египта.

А он — смеялся и на вопрос: «Вы верующий?» — отвечал: «Верю в небо, в солнце, в зеленые листья и в человеческий разум!»

Дважды встречался с Львом Толстым, выступал в Туле, в которой уже тогда любил цирк. Его принимали с восторгом.

«Последний раз мы виделись в 1972 году. Тогда ему было сто... Как-то он сейчас? Чем занят? И, шагая по Марьиной роще, я не смогла избавиться от искушения вновь вернуться на знакомый огонек...»

Комната — все та же. Лампа под абажуром. Из углов смотрят куклы — помощники в его хитроумных фокусах. Он сидит, до пояса — серебряная борода, перед ним, на столе — тарелка с клеем. Опять что-то мастерит. Многостворчатую коробку, в которой будут пропадать шарики, или снова — куклу, угадывающую мысли?

Спокойно, неторопливо двигаются руки, все еще тонкие и изящные. Когда-то в Париже, на специальном конкурсе, Лонго получил за их красоту первый приз — 500 рублей. Он вспоминает этот случай с иронией, и всегда торопливо добавляет: «Главное — мои руки рабочие, они умеют все».

Им, волшебным рукам своим и фантастическому таланту, обязан он неумирающей славе.

Пришел в цирк четырнадцать лет. Был очарован и навсегда остался в этом мире человеческой ловкости, силы и красоты.

Его главное кредо? Старался быть настоящим. Вспоминает случаи в Ташкенте. Притихший цирк... И вдруг, откуда-то из-под купола — полупьяный голос: «Не верю! Шарлатан!»

Публика насторожилась. Минуту назад наблюдавшая, как факир канал себе в рот расплавленное олово, она неистово подхватила за «разоблачителем» интригующее слово «воск».

— Воск! — кричал скептический

настроенный зритель. — Обманщик! Он заменяет олово воском в самый последний момент!

Встревоженный цирк загудел, требуя повторения номера.

И снова ассистентки Лонго большими опахалами из павлиньих перьев раздули огонь в жаровне, и опять блеснуло в деревянной ложке расплавленное олово. Одна капля упала на мокрый поднос — раздалось шипение.

А чернокудрый факир изящным движением поднял ложку над головой и снова поймал губами струйку горячего металла...

Никакого подвоха никто не заметил. Но «разоблачитель» не унимался:

— Я докажу, что это — воск! Пусть он капнет мне на руку!

Огорченный Лонго безуспешно пытался отговорить забияку. Слова не помогли — скептик подставил ладонь.

А через секунду тишину разорвал отчаянный вопль бедняги: «воск» оказался оловом. Пострадавший пробирался к выходу, проклиная и чудотворца факира, и публику, и свою подозрительность. А факир грустно улыбался вслед уходившему. Факир любил все настоящее...

Он очень боялся фальши. Настоящими были горячие угли, по которым ступали его босые ноги.

Настоящими были и гвозди, на их остриях тело его лежало неподвижно и спокойно, как деревянное.

Осколки стекла, на которых он, улыбаясь, танцевал босиком, тоже были неподдельными: кто угодно из публики мог принести с собой бутылку и разбить при всех. Зрителям разрешалось осмотреть и ощупать лестницу, по ступенькам которой Лонго взбирался под купол. А они, ступеньки эти, были острооточенными лезвиями турецких сабель...

Удивительному искусству факира учили Димитриуса дервиши Стамбула и Бухары, индийские йоги...

А не йогин ли он сам? — спрашивали Лонго. — Ведь многие эффекты йогов — в его репертуаре.

— Нет, я не йогин. Хотя, элементы хатха-йоги в моих выступлениях, безусловно, есть. Видите ли, как таковая йога — и образ мыслей совсем особый, и образ жизни, соответственно, тоже. Совершенно иная система ценностей. Йог — это почти профессия.

Она требует человека целиком, все его время, всю душу... Высшая цель йога — достичь гармонии с самим собой.

А какова высшая цель его, Дмитрия Лонго? Тоже — гармония. Только гармония с другими людьми, с тысячами и сотнями тысяч. И душа отдавна им, тем, чьи глаза следят за каждым его движением на арене, в неверном, голубоватом свете прожектора, под таинственную, гулкую музыку, полную предчувствий...

Что он сейчас сделает? Будет угадывать мысли? Вызовет духов? Или снова станет заклинателем змей?

«Через дисгармонию — к гармонии!» — жил в нем заветный девиз. Через фантастические, невероятные, через не лезущие ни в какие рамки и правила трюки — к зрительскому признанию, пониманию, любви. Он без усталости стучался, он ломился в каждую душу, он кричал людям: «Посмотрите, что я могу! Видите, как много я умею?! Полюбуйтесь, какие чудеса я творю! Теперь вы поняли, что я — почти бог?»

Но ведь я — смертный, как и вы. А значит, вы можете то же, что и я. Значит, вы тоже — почти боги! Надо только чуть-чуть оторваться от земли и расправить крылья, хоть на минуту почувствовав себя птицей... Надо, просто необходимо послать к черту глупые условности.

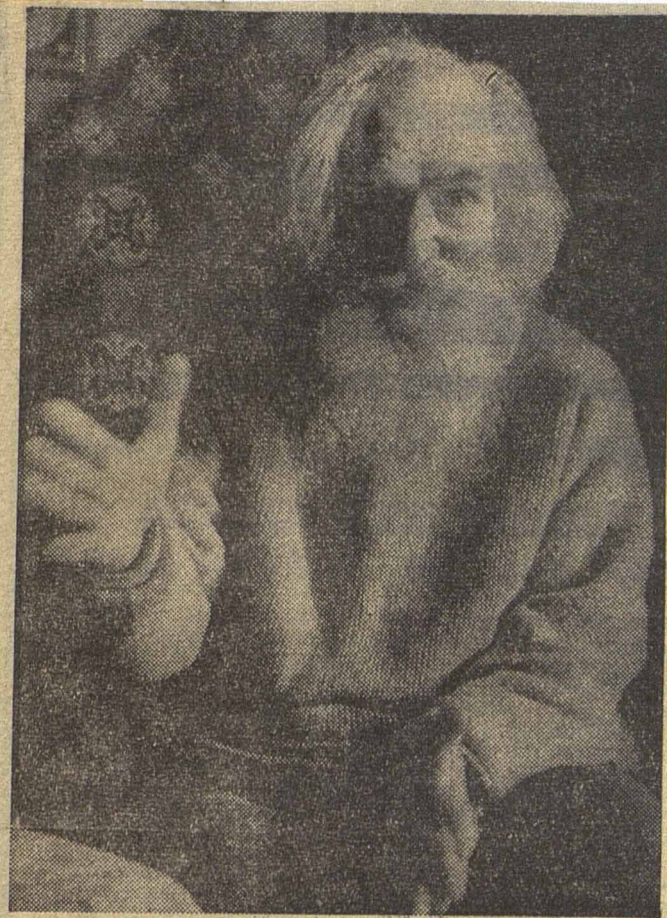
...Огуст Лионелли. И его Димитриус поминает добрым словом, перебирая прошлое. Когда-то давно они встретились в Москве, на Хитровке, и встреча эта решила судьбу юного Лонго.

Бродячий фокусник и музыкант Лионелли покинул родную Италию и в поисках лучшей доли странствовал по России. Взяв на плечо старенькую арфу, захватив первую встречную дворняжку, наскоро обученную — собирать деньги в шапку, ходил старик по базарам и ярмаркам. А рядом маячила фигура худощавого стройного мальчика... Пополам делили и радости, и последнюю корку хлеба. Несколько десятков оригинальнейших фокусов Лионелли положили начало биографии Лонго-иллюзиониста. Он же сделал из Мити и шапоголотателя.

— Этим ремеслом я долгое время зарабатывал себе на жизнь.

— А ваш излюбленный номер?

— Черный кабинет.

Так называется один из иллюзионных приемов, основанных на применении черного бархатного занавеса, поглощающего даже самый яркий свет. На таком фоне иллюзионисту ничего не стоит не только «оторвать» человеку голову или «разрезать» его на части, но и заставить «исчезнуть» совсем.

В репертуаре Лонго были и такие сюрпризы: огромная реторта на треножнике. Чародей в халате наливает в сосуд желтоватую прозрачную жидкость, ставит на огонь. Реторта наполняется паром. Взгляды зрителей буквально прикованы к рукам артиста, но руки эти пока больше не прикасаются к сосуду. Отойдя в сторону, факир внимательно следит за происходящим...

Вдруг в реторте, откуда ни возьмись, возникает отчетливо видимый... человеческий эмбрион и на глазах ошеломленной публики вырастает с годовалого ребенка. Ударом шпаги Димитриус разбивает сосуд и берет на руки улыбающегося малыша. В номере нельзя было не увидеть пародии на средневековых алхимиков, безуспешно пытавшихся вырастить в банке человека-гомункула.

Об этом и о многом другом Лонго рассказал в книге «Междуваров, которую недавно закончил».

— Знаете, вот писал я о прожитой жизни, а ощущение

такое, будто она и не прожита вовсе...

— Дмитрий Иванович, это правда, что у столетних начинается вторая молодость?

— Не знаю. У меня еще первая не закончилась.

В этих словах — весь Лонго, шутивый, веселый и озорной. Он рассказал будущим читателям и о затее тараканьего цирка, и о своем дебюте шапоголотания, и о фантастическом успехе иллюзий...

Тогда, на заре двадцатого века, имя его гремело. Димитриуса наперебой приглашали цирки Европы, Азии, Америки. Персидский импресарио Шамбей просил его остаться в Тегеране навсегда и сулил за каждое выступление неслыханную сумму — триста туманов золотом.

— Хочу в Россию, — отвечал Лонго, — я ее и за тремя сотнями туманов вижу.

В окно к Дмитрию Ивановичу смотрит останкинский телефон. На столе у него — самые удивительные из всех, какие встречал факир на своем веку. Всю жизнь он дарил чудеса людям. И вот — люди вернули ему долг.

Л. МЕЦЛЕР,
наш корр.

Тула — Москва.

НА СНИМКЕ: Д. И. Лонго.

Фото автора.